

КАМЕРАЗ Абрам Яковлевич

Их было три патриарха, трое старейшин отдела клубнеплодов ВИР, трое ученых-богатырей, на которых держалась вся картофельная наука в институте, да и в стране, наверное, тоже. С. М. Букасов был, безусловно, главной фигурой в этой тройке и по возрасту, и по знаниям, и по научному статусу. Академик, учитель, ботаник-солянолог с мировым именем, многолетний глава и теоретик отечественной школы картофелеводов, мозговой центр и заведующий отделом. В. С. Лехнович — большая и малая научная энциклопедия отдела, его информационный центр, ученый-эрудит, прекрасный знаток культуры картофеля. И, наконец, А. Я. Камераз — ведущий селекционер, душа, энергетический двигатель отдела, его генеральный конструктор и организатор, взявший на себя основную нагрузку в этой упряжке, часто выполняя роль коренника и пристяжного одновременно, когда это требовалось, а требовалось постоянно.

Они были очень разными по характеру, по кругу научных занятий и интересов, но их объединяла беспредельная преданность науке, тому делу, которому посвятили свою жизнь. Жизнь эта была их работой, а работа — жизнью. И это было самое главное, что делало их похожими друг на друга и на их главного и общего учителя Н. И. Вавилова. И хотя при жизни Н. И. Вавилова по своему возрасту и тогдашним научным заслугам А. Я. Камераз не относился к ближайшему кругу его единомышленников и соратников, со временем он также сумел стать крупным ученым и последователем вавиловских идей. Быть продолжателем дела Вавилова сразу же в послевоенный период, когда имя и труды основателя и первого директора ВИР еще были под запретом, а лысенковщина в самом разгаре, было далеко не просто. Но среди вировцев находились люди подлинной науки и чести, которые делали это скромно и достойно. К числу их можно в полной мере отнести и Абрама Яковлевича Камераз.

Родился Абрам Яковлевич 9 (22) декабря 1904 г. в Кронштадте, в небогатой трудовой семье ремесленника. Закономерен вопрос, откуда все-таки выбор профессии, к которому он пришел еще в ранней юности, будучи типично городским жителем. Уместно привести его подлинные слова: «... Интерес к растениеводству появился в самые, может быть, неподходящие годы: гражданская война, голод, разруха. Мы жили тогда на Охте, у нас с отцом около дома была площадка, где мы занимались огородничеством. Было интересно, я начитался

книг по сельскому хозяйству, и вскоре наш огород превратился в высокоурожайную «плантацию»: на ней мы выращивали картофель, овощи, огромные тыквы... Это наше увлечение, впрочем, имело вполне земные корни: было в ту пору довольно голодно. Все брошюры и книги по огородничеству, которые только можно было тогда купить, я достал и прочел. Да, огород наш был действительно образцовым, он кормил всю семью. Позже у меня возник ряд вопросов, связанных с сельским хозяйством, и я без колебания решил поступить в сельскохозяйственный институт»¹.

В 1922 г., окончив 36-ю Советскую единую трудовую школу (бывшее 3-е реальное училище), он поступает во вновь образованный сельскохозяйственный институт, составленный из прежнего Агрономического, а также Каменноостровских и Стебутовских высших женских сельскохозяйственных курсов. Здесь он впервые прослушал лекцию Н. И. Вавилова, посвященную сельскохозяйственной науке и образованию в США, которую ученый прочел после поездки туда вместе с А. А. Ячевским. Доклад произвел на начинающего студента незабываемое впечатление, как и сам докладчик. За время обучения в институте Камераз специализировался на кафедре земледелия. Еще не завершив там обучения, он одновременно поступает на Высшие педагогические курсы при том же институте. В 1927 г. он получает сразу два диплома: агронома-растениевода и агронома-педагога. Оба из них он в полной мере оправдает.

Сразу же после этого он поступает на работу в ВИР, тогда Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур (ВИПБиНК), сначала лаборантом, через два года становится младшим ассистентом, а с 1932 г. — старшим научным сотрудником. В ВИР он связал свою судьбу с культурой картофеля. Это время совпало с завершением эпохальных экспедиций в Центральную и Южную Америку в 1925–1929 гг. С. М. Букасова и С. В. Юзепчука. В результате начался совершенно новый этап в селекции картофеля, обогатившейся видами и формами, многие из которых были открыты и собраны впервые. Они стали основой мирового генофонда картофеля, сосредоточенного в коллекции ВИР. Самое активное участие в изучении этого ботанического и селекционногоклада принял новый молодой сотрудник. В 1936 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Хозяйственные качества южноамери-

¹ Казимировский С. Герцена 44 // Из реки по имени факт. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 101–195.

канских картофелей и их селекционная ценность». Именно в эти годы начинается его плодотворная селекционная работа, приобщение к новому, столь много давшему ее направлению — межвидовой гибридизации. Получены первые устойчивые к раку и фитофторе перспективные гибриды, среди которых «Камераз 1», ставший впоследствии высокопродуктивным селекционным сортом.

Работа эта была прервана в 1941 г. Великой Отечественной войной. Наступил военный, самый тяжелый и поистине героический период его биографии. В первые же дни войны он, как и все вировцы, включается в самоотверженную работу по спасению коллекции. Полевая коллекция видов и сортов картофеля выращивалась тогда на Павловской экспериментальной базе ВИР «Красный пахарь». В отличие от селекционных сортов многие южноамериканские дикорастущие и примитивные виды плохо дают клубни на длинном дне. Приходится создавать искусственный укороченный день. Для этого на базе были созданы фотопериодические площадки, где растения закрывали вручную с помощью передвигавшихся по рельсам створчатых кабин, которые надо было открыть утром и не забыть закрыть в конце дня. Всего их было 120. Работа немудреная, но физически очень трудоемкая, а главное ответственная. В условиях военного времени она стала просто опасной. Враг быстро подходил к Ленинграду, и мирное коллекционное поле стало по сути передовой линией фронта. Ежедневно добираться из Ленинграда до «Красного пахаря» и там убирать с трудом завязывающиеся клубни дикарей приходилось уже под бомбежками и обстрелами. Сначала были помощники, затем он остался один... в поле воин. Как он вспоминает, это было самое тяжелое для него испытание за всю войну, а их ему выпало немало. Из Павловска пришлось уходить с последней партией убранный картофеля уже перед самым захватом города немцами. Не обошлось без контузии, но ценнейший материал был полностью, до последнего образца доставлен в институт. Среди спасителей коллекции ВИР имя Камераз должно быть помянуто одним из первых.

С ноября 1941 по июнь 1945 г. А. Я. Камераз в действующей армии на Ленинградском фронте, в составе 123-й Лужской дивизии. Горькую и кровавую чашу военных испытаний пришлось испытать сполна. Воевал рядовым стрелком, минометчиком, ходил в разведку, а по совместительству был еще военным переводчиком, так как неплохо владел немецким. Дважды был ранен, один из них — тяжело. Имел боевые награды, включая орден Красной Звезды, медали «За отвагу» и «За оборону Ленинграда». В блокадном Ленинграде умирают его жена и еще не рожденный ребенок. Типичная судьба человека военного поколения, «сороковых роковых», из тех, кто выжил и победил. Кончает Великую Отечественную войну Камераз в чине старшины на территории Латвии, честно исполнив свой долг солдата и гражданина.

По окончании войны А. Я. Камераз возвращается в институт, в свой отдел клубнеплодов, где возглавляет лабораторию селекции, а позже отдаленной гибридизации. Начинается самый плодотворный этап его научной, организационной и педагогической деятельности. Центральный круг

его интересов — селекция картофеля на основе межвидовой гибридизации. Именно в это время он вырос в крупного селекционера-картофелевода. Селекция, как известно, стоит на стыке науки, производства, а также профессионального искусства. Она требует не только обширной системы знаний, большой научно-организационной подготовки, но и глубокой творческой интуиции. Уже в силу этого настоящий селекционер должен быть особо одаренной личностью, универсальной и уникальной одновременно, быть человеком разносторонних знаний и способностей, оставаясь единственным в своем роде по видению и пониманию объекта исследования. Таким и был Камераз. Именно в этот период им созданы такие известные и ценные сорта, как Камераз 1, Детскосельский, Пушкинский, Волховский, а также множество перспективных межвидовых гибридов, широко использованных в стране в дальнейшей селекционной работе. На основе этих гибридов выведены сорта Богатырь, Искра, Матвеевский, Пионер, Рубин, Сумской, Дальневосточный, Хабаровский и др. При этом надо иметь в виду, что соавторство и участие ВИР в создании ряда сортов могло и не быть зафиксировано. ВИР как селекционный полигон — не самое приспособленное для этого учреждение, учитывая масштабы и многовидовой состав фондовой коллекции, первоочередные задачи по ее поддержанию и изучению.

Среди всех камеразовских сортов своего рода селекционным чудом стал сорт Детскосельский, трехвидовой гибрид, полученный с участием сорта Ранняя роза, дикого вида *Solanum demissum* и боливийской формы культурного вида *S. andigenum*. Районированный в 1959 г., он более 30 лет не сходил с производства как в Ленинградской области, так и в ряде других регионов, являясь также хорошим стандартом для других среднеранних сортов. Его достоинством была широкая экологическая пластичность, позволяющая давать ежегодно и почти повсеместно достаточно стабильные урожаи. Этому способствовала и весьма умеренная поражаемость патогенами, а к одному из самых распространенных вирусов Х он даже иммунен. Надо отметить, что завидная долговечность этого сорта была также заслугой и хорошо налаженно в институте его первичного семеноводства, чему Камераз всегда уделял большое внимание, ценя работу семеноводов, которые занимались его сортами.

Главное направление в селекции картофеля, выбранное Камеразом, как уже говорилось, была отдаленная гибридизация, основной же задачей было выведение сортов, устойчивых к наиболее опасным болезням и вредителям. Устойчивость эта заимствовалась главным образом от диких видов. Поначалу среди болезней наибольшее внимание он уделял грибным заболеваниям, особенно раку и фитофторозу. Первый является карантинным объектом, и ни один из ныне районированных сортов не должен им поражаться. Выведение ракоустойчивых сортов, их внедрение в производство было в свое время большим достижением отечественной селекции. Определенная заслуга в этом принадлежит и Камеразу. Что касается фитофтороустойчивости, то он автор одних из первых в стране сортов с так называемой R-генной устойчивостью или

сверхчувствительностью к фитофторе — этой чуме картофеля, уничтожившей в прошлом веке все его посадки в Ирландии, вызвав повальные голод и смерть среди ее населения. И до сих пор этот ненасытный грибок представляет собой серьезную угрозу для картофелеводства, вызывая регулярные эпифитотии. Камераз был одним из ведущих специалистов в данной области, подготовил ряд аспирантов. Его сорта, в частности Камераз 1, были для своего времени ориентирами прогресса в этом направлении. К сожалению, проблема оказалась гораздо сложнее, чем в свое время предполагали, и творческого долголетия Камераз, как, впрочем, и остальных ученых, ею занимавшихся, явно не хватило на ее окончательное решение, если это вообще возможно.

Прекрасно зная культуру картофеля, Камераз не менее прекрасно разбирался во всех ее хворобах, многочисленных и разнообразных, будучи не только известным селекционером, но и высококлассным фитопатологом. Стать таковым, с одной стороны, вынуждала сама жизнь, щедрая на всевозможные картофельные напасти и скупая на возможности борьбы с ними, а с другой — его дотошность и пылливость как ученого, который до многого привык доходить сам. Правда, там, где была возможность сотрудничества с другими специалистами, он весьма активно и широко ее использовал. Это касалось всех патогенов, той же фитофторы или нематоды. В ряде случаев он выступал и как координатор этой работы.

Заметный и весьма характерный след оставили его работы в области селекции на устойчивость картофеля к вирусным заболеваниям, подлинным бичом картофелеводства. Они приводят к вырождению сортов за считанные годы, иногда еще до завершения конкурсного испытания. С недолговечностью порой неплохих по потенциальной продуктивности сортов можно бороться с помощью специальной системы антивирусного семеноводства. Однако и она не слишком эффективна при отсутствии генетической сопротивляемости картофеля вирусной инфекции, т. е. определенной селекционной вирусостойчивости. Работа требовала не только хорошей профессиональной подготовки, но и большого упорства, даже мужества. Дело в том, что в 1950-е гг., когда она еще только начиналась в отделе, в агробиологии еще доминировали бредовые догмы Лысенко и его агрессивно невежественных или, что еще хуже, нечистых на руку сторонников. После августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. была разгромлена не только генетика, но пострадали и многие другие науки, и научные направления. Не избежала этого и фитовирусология. И хотя вирусы были открыты в России еще в 1892 г. Д. И. Ивановским, а уже к 1930-м гг. нашего века сведений о них было более чем достаточно, в том числе и как о возбудителях ряда заболеваний картофеля, почти все они всячески игнорировались лысенковцами. Они считали, что в так называемых болезнях вырождения картофеля вирусы не играют никакой роли, а все дело в условиях выращивания, в экологических причинах. И это при наличии уже в то время точных методов диагностики вирусов, свидетельствующих о вирусной природе большинства болезней вырождения! Работы, изучающие и подтверждаю-

щие это, были в то время явно «не в струю», нелояльными не только по отношению к господствующей лженаучной версии, но и к могущественным покровителям Лысенко в высших сферах. Тем не менее работы эти в ВИР усиленно развивались. В 1959 г. была подготовлена и защищена здесь первая кандидатская диссертация по вирусам картофеля. Н. М. Щербаковой под руководством А. Я. Камеразы удалось впервые в стране определить широко распространенный на картофеле вирус S. Затем вскоре последовали другие аспирантские работы вирусологического направления. Особенно важной была работа В. Н. Ивановой, ставшей правой «вирусной» (а точнее «антивирусной») рукой Камеразы, его первой помощницей в этом трудном, но нужном деле. ВИР стал одним из самых авторитетных научных центров по разработке основ селекции на устойчивость картофеля к вирусным болезням. Недаром на один из юбилеев Камеразы пришла лаконичная поздравительная телеграмма от одного из известных вирусологов страны: «Он вирусам не изменил ни разу, за то и слава Камеразу».

Со временем методы получения сортов на основе межвидовой гибридизации существенно усложнились. Гибриды становились все более сложными, генетически насыщенными, многовидовыми. Этому способствовали такие методы преодоления нескрещиваемости видов, как искусственная полиплоидизация. В связи с этим, истины ради, нельзя не коснуться одной страницы истории отдела клубнеплодов, связанной с Н. А. Лебедевой. Благодаря писателю Дудинцеву она предстала перед общественностью настоящей мученицей и борцом за научную истину, которую затравили ученые-ретрограды из ВИР. Будучи аспиранткой института и за два года форсировав кандидатскую диссертацию по мичуринским методам в селекции картофеля (брошюра под этим названием издана в 1949 г.), она занялась затем полиплоидией, правда, не ясно зачем, если столь прекрасные результаты получались так скоро в опытах по вегетативной гибридизации. Именно за эту якобы генетическую ересь ее и изгнали из института. Но в дудинцевской версии этой истории было много мифотворчества и даже инсинуаций, особенно по отношению к ее научному руководителю С. М. Букасову. На самом деле все здесь гораздо прозаичнее. Будучи действительно в некотором роде пионером полиплоидии картофеля у нас в стране, Н. А. Лебедева не вписалась в ВИР прежде всего из-за конфликта с дирекцией, не захотевшей взять ее на работу в силу специфических свойств ее характера, а не из-за того, чем она занималась.

Полиплоидизацией же в ВИР занялись и без нее, и не без успеха. В частности, другая аспирантка Камеразы — Н. А. Житлова, сделавшая прекрасную кандидатскую диссертацию, на защите которой один из рецензентов отметил, что она выполнена на уровне докторской. Учитывая значение этой работы, диссертантку оставили для продолжения ее в отделе (единственную из всех многочисленных аспирантов Камеразы). Отзывчивость А. Я. Камеразы ко всему новому в науке, способность не только учить, но и постоянно учиться, практический, живой, некабинетный склад ума, умеющего схватывать суть явления и не чуждый, когда надо, рационального заимствова-

ния, — все это расширяло и углубляло его творческий потенциал как ученого и давало весомые плоды в работе.

Отдавая должное А. Я. Камеразу как крупному ученому, нельзя не отметить еще одну замечательную грань его личности. Это незаурядный педагогический дар. Хотя он не преподавал в вузах, у него было очень много учеников, причем не только аспирантов. Многие картофелеводы с полным правом считают его своим учителем, хотя формально и не были его учениками. Он всегда был готов помочь людям и словом, и делом. Отзывчивость его была неподдельной, а советы, которые он давал, всегда конкретны, практичны и мудры. Что же касается непосредственных его аспирантов, то за его жизнь их было так много, что трудно даже назвать точную цифру (где-то за 40). Не защититься у него было почти невозможно. Это был настоящий образец научного руководителя, дающего четкую и выполняемую программу исследований, не мешающего работать, не досаждающего мелкой опекой, но всегда готового помочь начинающему исследователю и поддержать его, не упускающего его из виду, не жалеющего ни времени, ни сил для работы с ним. Он принимал аспирантов и дома, и во время отпуска, для них никогда не было отказа. Профессиональное чувство ответственности и долга было у него чрезвычайно высоким, а способность к простому человеческому участию была глубоко заложена в его натуре. Общаться с ним как с руководителем и человеком было не только полезно, но и приятно, никакого давления научного авторитета и звания на личность. При этом никакого намека на склонность к распространенному в научной среде паразитированию на трудах своих учеников, хотя примеров обратной связи было немало. Ссылки на работы своих аспирантов были его неукоснительным правилом. Все это позволило ему стать главой по сути целой научной школы картофелеводов. Среди его учеников много известных ныне ученых. Особого упоминания достойны академик Дальневосточного отделения РАН Е. П. Киселев, доктор наук, руководитель биотехнологического центра при НИИ картофельного хозяйства России Л. Н. Трофимец, доктора наук И. Я. Понин и И. И. Киселев. В ВИР его учениками были С. Н. Бахарева, Н. А. Житлова, Э. В. Трусинов, Л. Г. Чадаева и др.

Работа по селекции картофеля, проводимая в ВИР А. Я. Камеразом, его сотрудниками, помощниками, учениками, отличалась системным подходом, целеустремленностью и охватывала все основные направления: урожайность, сроки созревания, качество клубней, устойчивость к основным болезням и вредителям, а также к экологически экстремальным факторам среды. Результаты этой работы, а также данные обо всех достижениях мировой и отечественной практики картофелеводства были впервые обобщены Абрамом Яковлевичем в 1948 г. в книге «Селекция картофеля» (совместно с С. М. Букасовым). Этот фундаментальный труд многие годы был настольной книгой не одного поколения исследователей у нас в стране. Он был удостоен Государственной премии, дважды переиздан в 1959 и 1972 гг., при этом существенно дополнен и переработан. Примерно 80% объема этой замечательной монографии было написано Камеразом. Книга переведена

на иностранные языки. Достоин упоминания то, что в книге, изданной в 1948 г., еще задолго до реабилитации Н. И. Вавилова в 1955 г., приведено его имя среди участников экспедиций в Южную Америку на родину картофеля. Всего же А. Я. Камераз опубликовал свыше 120 научных трудов, которые он написал лично сам или в соавторстве. Перечислять их нет возможности и необходимости, но особо стоит упомянуть сборник «Генетика картофеля», где опубликованы две его важные работы: «Межвидовая и внутривидовая гибридизация картофеля», а также «Генетика устойчивости картофеля к патогенам», совместно с И. М. Яшиной и Н. П. Склярковой (1973). Его труды носят капитальный характер и ценны не только по своим результатам, но и по тому научному заряду, который может получить исследователь при знакомстве с ними.

Не очень, может быть, известны его редкий дар методиста и недюжинные редакторские способности. Он был постоянным редактором многих научных сборников, отдельных трудов и бюллетеней, очень ответственно относился к этой непростой, творческой, хотя и кажущейся многим рутинной работе. Этому способствовала его общая высокая культура интеллигента, хотя и в первом поколении, но имеющего глубокие корни старой добротной петербургской – ленинградской культурной среды, в которой он воспитывался. Его речь, стиль его письма свидетельствовали об этом. Они были просты, ясны, логичны, метки, свободны от всякой засоренности словесной шелухой. Это знают все, кто его слышал и читал. Особенно памятен его неповторимый, камеразовский, только ему присущий, ироничный, но незлобивый юмор, которым он часто сдабривал свои выступления и постоянно пользовался в бытовом общении. Это очень шло ему и нравилось людям, делало общение с ним приятным, интересным, доверительным. И уже этим запомнился многим, даже тем, кто незнаком был с ним лично.

Будучи воспитан в традициях старой петербургской культуры и добропорядочности, он не только внешне, но и внутренне чуждался всякого барства и хамства, имел врожденный иммунитет к таким социально заразным бедам, как бюрократизм, интриганство, карьеризм, был достаточно разборчив в выборе средств к достижению целей, знал ту грань, которую не следует при этом переступать. Это не исключало того, что при необходимости ему нередко приходилось прибегать к дипломатии, компромиссам, искать обходные пути, но человеческое достоинство, порядочность, справедливость всегда оставались при нем, хотя, как и все люди, он не был лишен слабостей.

Оценивая долгий жизненный путь, проделанный этим крупным ученым и незаурядным человеком, надо отметить, что он достиг действительно больших вершин. Перечень его ученых званий, степеней, государственных наград весьма внушителен. В 1961 г. по совокупности работ ему присуждена ученая степень доктора сельскохозяйственных наук. В 1969 г. присвоено звание «Заслуженный деятель наук РСФСР», в 1970 г. утвержден в звании профессора. Он удостоен ряда наград, в том числе и высших: дважды ордена Ленина, ордена «Знак Почета», не считая почетных медалей и грамот. Последнюю награду — орден Трудового Красного Знамени — он так

и не успел получить, хотя очень ее ждал. В числе других видных ученых он был награжден ею в 1990 г. за особый вклад в сохранение и развитие генетики и селекции, осуществленный вопреки долголетнему господству лысенковщины. Он не стал жертвой гонений, но как ученый, селекционер, просто человек и гражданин вел себя действительно достойно, осуществляя большое дело, не жертвуя честью ради карьеры и конъюнктурной выгоды.

Было бы, однако, заблуждением считать его этаким олимпийцем, избранником фортуны, генералом от науки в вечном зените. Все на самом деле было не так, успехи доставались колоссальным трудом, жертвенным отношением к науке и работе, а жизненный путь не был устлан коврами и украшен лавровыми венками. Были и тягостные моменты в его жизни, мучительные переживания и обиды. Его не однажды выдвигали в академики ВАСХНИЛ, но без успеха, хотя менее достойные кандидаты проходили туда без особых трудностей. К заведованию отделом он смог приступить уже в последние, не самые лучшие для себя и института годы. Формально он заведовал отделом клубнеплодов всего три года, хотя реально пришлось тянуть основную и самую неблагодарную организационную лямку многие годы, не получая за это по сути ничего, кроме завала бумаг рутинно-бюрократического достоинства. Помощников в этом деле у него не было, все делал сам. Ушел он из института раньше, чем выработал свой трудовой потенциал. Он мог бы сделать еще много полезного для науки, института и отдела. Оставалось еще много ценного селекционного материала, который он никак не решался оставить или передать кому-нибудь. Несколько лет, пока оставались какие-то силы и позволяло сильно сдавшее после ухода на пенсию здоровье, он выходил в поле на оценку и уборку своих гибридов. Трагизм заключался еще в том, что, имея много учеников, он не позаботился, как это часто бывает, своевременно о преемственности своего дела. Видно, трудно было смириться с мыслью о полном оставлении того, чем жил, не верилось, что могут вконец иссякнуть силы. Вечные человеческие заблуждения, простительные, но пагубные для дела.

Надо отдать все-таки должное институту, отделу, где он проработал всю жизнь, что, отправив его на пенсию, за ним закрепили лаборанта, оставили рабочее место. Его регулярно посещали сотрудники. И для самого Камеразов слишком дорога была репутация института и того светлого имени, которое он носил. Он принимал самое активное участие во всех вавиловских чтениях и юбилеях. Много выступал с воспоминаниями о своем первом и незабвенном учителе. Он был председателем совета ветеранов ВИР и на этом почетном, но мало что решающем посту пытался сделать многое и прежде всего по части реальной заботы и помощи старым вировцам вавиловской школы. Здесь еще раз сказалась его высокая порядочность и необычайная ответственность. Уже на закате жизни он находил в себе силы помогать людям, поддерживать их в трудные минуты. Это как-то морально, если не физически, поддерживало его самого. Но жизненные ресурсы уже истощались, возраст, болезни приближали к неизбежному концу.

А. Я. Камераз умер 15 января 1991 г. на 87-м году жизни. Один из последних могикан славного вавиловского племени настоящих вировцев, отдавших свою жизнь науке, один из тех ее подвижников, которые принесли институту всемирную известность и авторитет. Такие личности, как он, не уходят бесследно, они являются подлинной историей института и самой науки, а значит, и вечным уроком, примером для нынешних и будущих поколений вировцев. В жизни, науке не так уж много достойных ориентиров, на которые можно уверенно полагаться. А. Я. Камераз, чье имя навечно вписано в золотой научный фонд ВИР, один из них.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ А. Я. КАМЕРАЗА

Селекция картофеля / С. М. Букасов, А. Я. Камераз. М. ; Л.: Сельхозгиз, 1948. 360 с., 1 л. табл.

Селекция и семеноводство картофеля на Урале / А. С. Васильев, А. Я. Камераз, Е. Н. Кобелева, И. М. Пруссаков. [Свердловск] : Свердлов. обл. гос. изд-во, 1951. 180 с.

Основы селекции картофеля / С. М. Букасов, А. Я. Камераз. М. ; Л.: Сельхозгиз, 1959. 528 с.

Селекция картофеля / А. Я. Камераз // Культурная флора СССР. Л.: Колос, Ленингр. отд-ние, 1971. Т. 9: Картофель. С. 430–445.

Селекция и семеноводство картофеля / С. М. Букасов, А. Я. Камераз. Л.: Колос, [Ленингр. отд-ние], 1972. 359 с., 1 л. табл.

Межвидовая и внутривидовая гибридизация картофеля / А. Я. Камераз // Генетика картофеля. М.: Наука, 1973. С. 104–121.

Генетика устойчивости картофеля к патогенам / А. Я. Камераз, И. М. Яшина, Н. П. Складорова // Там же. С. 175–233.

Проблемы селекции картофеля на иммунитет и пути их решения в свете идей академика Н. И. Вавилова / А. Я. Камераз // Тр. по прикл. ботанике, генетике и селекции. Л.: ВИР, 1982. Т. 73, вып. 2. С. 32–42.

Мировая коллекция ВИР — основа современной селекции картофеля / А. Я. Камераз // Вестн. с.-х. науки. М., 1983. № 4. С. 60–64.

ИСТОЧНИКИ

Ивин, М. Флагман растениеводства / М. Ивин // От Невы до Кушки. М.: Сов. Россия, 1985. С. 92–218.

Казимировский, С. Герцена, 44 / С. Казимировский // Из реки по имени факт. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 101–195.

А. Камераз: У героического — тысячи лиц: [беседа с д-ром с.-х. наук, проф. Абрамом Яковлевичем Камеразом] / [беседу вела В. Голубчикова] // Сельская новь. 1984. № 7. С. 18–19, 23.

Э. В. Трускинов²

² Соратники Николая Ивановича Вавилова: исследователи генофонда растений. СПб.: ВИР, 1994. С. 200–210. — Опубликовано впервые.